

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации *Похаленкова Олега Евгеньевича*
«Мотивные комплексы и повествовательные стратегии романов
“потерянного поколения” в контексте военной прозы XX века»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по
специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(западноевропейская и американская)

Диссертационная работа О.Е. Похаленкова представляет собой исследование обширного корпуса текстов – военной прозы XX века – в аспекте реализации в них художественных стратегий романов «потерянного поколения». Отбор текстов, составивших материал исследования, репрезентативен и осуществлен с опорой на следующее важное положение: творчество «потерянных» авторов определило в целом ряде ключевых аспектов дальнейшую эволюцию военной прозы. Эта магистральная идея определяет ход исследования; а в качестве элементов художественной реальности, которые непосредственно составляют объект сравнительного изучения, заявлены мотивные комплексы и повествовательные стратегии. Замысел работы заключается в том, чтобы проследить специфику их реализации в романах «потерянных» авторов – Э.М. Ремарка, Р. Олдингтона, Э. Хемингуэя, – в произведениях русской литературы о Первой и Второй мировых войнах, а также в современной немецкой, русской и англоязычной военной прозе, что и осуществляется последовательно в главах III–VI диссертационной работы. Не вызывает сомнений *адекватность исследовательского инструментария* выбранной проблематике и литературному материалу.

I глава диссертации посвящена методологической рефлексии. Соискатель начинает с размышлений о принципах компаративного изучения литературы и затем переходит к вопросу о том, какие именно составляющие художественного текста могут быть единицами сравнения применительно к военной прозе. Основной такой единицей объявлен мотив; понимание этого термина формируется как итог обзора теоретических работ соответствующей проблематики – от А.Н. Веселовского до современных исследователей. Далее О.Е. Похаленков определяет и обосновывает понятие мотивного комплекса, которое для диссертационного исследования является ключевым. Заимствование из когнитивной лингвистики ядерно-периферийной модели выглядит достаточно экспериментальным решением – но, как показывает дальнейший анализ, это

вполне оправдано и модель успешно работает.

Здесь же (параграф 1.2) рефлексируется и термин «повествовательная стратегия», причем дается важное уточнение: «...в настоящем исследовании повествовательные стратегии рассматриваются с точки зрения их внутреннего структурирования (способов построения), а не со стороны деятельности нарратора» [дисс., с. 73] – то есть уровень притязаний обозначен достаточно осторожно. И все же теоретический инструментарий, касающийся повествовательной стратегии, не кажется мне проработанным в должной мере. Основные положения, раскрывающие суть данной категории, – следующие:

- это «система универсальных мотивных комплексов, структурирующих повествовательный уровень текста. Таким образом, в представленном исследовании повествовательные стратегии рассматриваются не с точки зрения деятельности нарратора, а в их внутреннем структурировании» [автореф., с. 14];
- в основе повествовательной стратегии романов «потерянного поколения» лежит обряд инициации [дисс., с. 78];
- повествовательная стратегия структурируется мотивным комплексом [дисс., с. 79];
- повествовательная стратегия «упорядочивает систему универсальных мотивных комплексов “Инициация” и “Социальная адаптация” в синтагматическом аспекте» [дисс., с. 79].

В связи с этим главный вопрос по первой главе работы вызван неясностью алгоритма анализа повествовательной стратегии. Следовало бы сделать для этого термина то же, что сделано для мотивного комплекса, принципы анализа которого прописаны гораздо более четко.

Впоследствии, в аналитических главах диссертации, обозначенный дисбаланс – между степенью теоретико-методологической проработки мотивного комплекса и повествовательной стратегии – тоже приводит к определенному «перевесу» проблематики, связанной с мотивным анализом. В главах III–VI, которые посвящены заявленным в качестве материала исследования текстам, речь идет преимущественно о мотивных комплексах. И я считаю необходимым отметить, что мотивный анализ, проводимый диссертантом, отличается тщательностью, логика рассуждений четкая, промежуточные выводы по результатам проведенного анализа не вызывают принципиальных возражений. Взаимосвязи мотива и события, мотива и пространства (различные мотивные наполнения разных топосов) прослеживаются корректно. В связи с романами «На

Западном фронте без перемен», «Смерть героя» и «Прощай, оружие!» есть только несколько частных вопросов.

1. В главе III противопоставлены друг другу хронотоп «война» и художественное пространство «война» [дисс., с. 126–139]. Оправданность такого противопоставления вызывает большие сомнения. В тексте диссертации [с. 114] О.Е. Похаленков совершенно однозначно заявляет, что в понимании хронотопа он следует за М.М. Бахтиным: хронотоп – «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе». Соответственно, художественное пространство и хронотоп связаны отношениями «по вертикали», как часть и целое, а не «по горизонтали». Поэтому, с моей точки зрения, правильнее говорить не о том, что действие происходит либо в хронотопе «война», либо в художественном пространстве «война», а о том, что хронотоп «война» характеризуется чередованием участков с временем повышенной (атака) и пониженной интенсивности.

2. В главе неоднократно упоминается «символическая смерть» [дисс., с. 120, 122, 124, 125, 143, 154], причем под это понятие подпадают, в первую очередь, смерти сослуживцев и противников [напр.: дисс., с. 124]. Есть большие сомнения в том, что их можно квалифицировать как символическую смерть героя: символическая смерть – это когда герой физически жив, но по каким-то причинам ощущает себя мертвцом. Поэтому сюда можно отнести только серьезное ранение героя (например, в романе «Прощай, оружие!» [дисс., с. 124]). Гибель сослуживцев и врагов, безусловно, реализует мотив смерти. Но *символической смертью* она, тем не менее, не является: это смерть другого, а не героя – субъекта сознания.

Несмотря на эти достаточно частные несогласия, я считаю, что третья глава – принципиально важная для реализации замысла работы – концептуально состоялась. Анализ мотивного комплекса «Инициация» в романах Ремарка, Хемингуэя и Олдингтона, во-первых, служит моделью для последующей работы с произведениями А. Зурминского, П. Баркер, В. Некрасова, А. Лебеденко и других авторов; во-вторых, он в принципе может быть взят за основу исследователями военной прозы XX века. Методологически корректно разбирается также специфика реализации данного мотивного комплекса в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» (подпараграф 5.2.1), в текстах современных отечественных прозаиков О. Ермакова и П. Яковенко (параграф 5.3), в романах П. Баркер «Возвращение» и А. Зурминского «Отечество без отцов» (глава VI). Диссертант учитывает особенности исторической обстановки,

биографический контекст, характер контактных связей/типологических схождений указанных авторов с «потерянными» писателями.

К сожалению, на фоне такого достойного анализа инициации несколько проигрывают те главы и параграфы, где разбирается мотивный комплекс «Социальная адаптация». Речь идет о главе IV («Возвращение» Э.М. Ремарка, «Все люди – враги» Р. Олдингтона, «Фиеста. И восходит солнце» Э. Хемингуэя) и подпараграфе 5.2.2 («В родном городе» В. Некрасова). В целом те аналитические фрагменты, которые посвящены реализации мотивов, составляющих обсуждаемый комплекс, в сюжетной динамике, системе персонажей и пространственной организации, выполнены на столь же достойном уровне, что и глава III. Но вызывают вопросы следующие моменты:

1. Если мотивный комплекс «Инициация» подробно описан в теоретической преамбуле с опорой на авторитетные труды по проблеме (начиная с В.Я. Проппа), то «Социальная адаптация» такого теоретического фундамента лишена. Получается, что выделение мотивного комплекса «Социальная адаптация» – новация соискателя? В тексте диссертации соответствующих уточнений не делается, хотя этот вопрос стоило бы прояснить.

2. Состав данного мотивного комплекса, прописанный в тексте диссертации (отказ от приспособления, любовь, путешествие, разочарование etc.), включает в себя «мотив социальной адаптации» [дисс., с. 192, 194–196, 276]. Мотивный комплекс «Социальная адаптация», составной частью которого выступает мотив социальной адаптации, – конструкция довольно странная. Кроме того, на странице 182 встречается следующее утверждение: «Художественному пространству “родной город” свойственны мотивы встречи с призывниками, боя с призывниками, встречи с родственниками, непонимания, неузнавания, возвращения к юности, социальной адаптации/отказа от социальной адаптации...» Было бы неплохо пояснить, представляют ли социальная адаптация и отказ от нее два разных мотива или все-таки один.

Тем не менее, реконструкция ядерно-периферийной динамики мотивов в рамках данного комплекса демонстрирует – как и в предыдущем случае – высокий уровень филологического мастерства. В обоих случаях несколько не хватает визуальной репрезентации движения мотивов – ядро, периферию и перемещение мотивов между ними можно наглядно изобразить, – однако это уже достаточно частный момент.

Что же касается рефлексии о повествовательных стратегиях, то и в случае «Инициации», и в случае «Социальной адаптации» она остается «в тени»

рефлексии о мотивных комплексах. Показательно, что в выводах по главе III повествовательная стратегия вообще не упоминается; в выводах по главе IV говорится лишь о том, что мотивы, составляющие комплекс «Социальная адаптация», «формируют основную фабульную линию повествовательной стратегии» [дисс., с. 197]; в выводах по главе V утверждается, что «повесть “В окопах Сталинграда” отечественного прозаика В. Некрасова является примером следования повествовательной стратегии военных романов “потерянного поколения”» [дисс., с. 264]; в VI главе доказывается, что «повествовательная стратегия литературы “потерянного поколения” находит отражение в произведениях современных отечественных и зарубежных военных прозаиков» [дисс., с. 312]. Использование термина, важность которого – а он вынесен в название работы – для исследования первостепенное, должно давать значимое смысловое приращение. В работе же мы видим следующее:

- выявлена повествовательная стратегия, основанная на мотивном комплексе «Инициация»;
- выявлена повествовательная стратегия, основанная на мотивном комплексе «Социальная адаптация»;
- наличие одного и того же мотивного комплекса со сходным мотивным наполнением у разных авторов – основание для констатации общности повествовательной стратегии.

Приведенные выше формулировки выводов эту закономерность наглядно демонстрируют. Поэтому и возникает вопрос о том, с какой целью в работу введено понятие повествовательной стратегии. Какое смысловое приращение оно дает? Что нового можно с его помощью узнать о художественных текстах, составивших материал исследования, что не следует из анализа мотивных комплексов? Что понятие повествовательной стратегии прибавляет к пониманию контактных связей и типологических схождений военной прозы – опять же по сравнению с теми результатами, которые получены в ходе анализа мотивных комплексов? Что подразумевается под «типологией повествовательных стратегий» [автореф., с. 7]? Если речь идет о том, что мотивный комплекс «Инициация» формирует одну повествовательную стратегию, а «Социальная адаптация» – другую, то получается, что типология стратегий опять-таки сводится к типологии мотивных комплексов.

В связи с этим приходится констатировать, что диссертационное исследование О.Е. Похаленкова отличает определенная «несимметричность». Его основные научные результаты обеспечиваются именно мотивным анализом –

хотя формулировка темы предполагает, что научная значимость будет распределена равномерно.

Тем не менее, некоторый дисбаланс, который мы наблюдаем в диссертации, не ставит под сомнение ни достоверность, ни **новизну** полученных результатов. Работа О.Е. Похаленкова вводит в научный оборот ряд текстов, которые еще не были или почти не были замечены историками литературы: «Тяжелый дивизион» А. Лебеденко, «На империалистической войне» М. Горецкого, «Знак зверя» О. Ермакова. В диссертации разработан и впервые применен к обширному художественному материалу междисциплинарный алгоритм анализа мотивного комплекса. Все это позволило соискателю предложить новый взгляд на эволюционные процессы в военной прозе XX века – поэтому работу, безусловно, можно считать концептуально состоявшейся.

Достоверность полученных результатов обеспечивается успешным применением разработанного автором подхода к анализу мотивной динамики, а также привлечением большого литературного материала и учетом контекста.

О.Е. Похаленковым проработан огромный массив научной и критической литературы, которая осмыслена и включена в диссертационное исследование в соответствии с его задачами. Видно, что диссертация достаточно долго «вызревала», что представленный текст прошел многоступенчатую редактуру. Поэтому его некоторые частные недочеты, можно сказать, проис текают из достоинств. В тексте диссертации (а также в автореферате) есть места, где оставшиеся в ходе редактирования «швы» заметны и несколько портят общее благоприятное впечатление. Это, например, следующие фрагменты:

1. «Оно может варьироваться от “переделки” лучших частей иностранного произведения таким образом, чтобы оно соответствовало национальной литературе, на которую происходит ориентация» [дисс., с. 34]. (Варьироваться от переделки – до чего?)
2. «На фронте герой [Джордж Уинтерборн] столь же нейтрально относился к военному противнику, будь то французы или австрийцы, и видел большую угрозу в развязавших войну государственных деятелях» [дисс., с. 122]. (Французы во время Первой мировой войны были не противниками, а союзниками англичан.)
3. «В параграфе 6.2. “Категория вины и ее осмысление в немецкой послевоенной литературе” рассматривается современная немецкая военная проза о Первой мировой войне. Примечательно, что в Германии тема участия простых немцев в войне на Восточном фронте и их

дальнейшая ответственность за добровольное следование нацистской доктрине Гитлера до сих пор вызывает споры и дискуссии» [автореф., с. 28]. (Здесь речь идет не о Первой мировой войне, а о Второй.)

Нельзя сказать, что подобного рода «швы» снижают общий уровень диссертационного исследования, – но их наличие, тем не менее, досадно.

* * *

Диссертация О.Е. Похаленкова представляет собой масштабное исследование, выполненное на высоком научном уровне и имеющее большую теоретическую и практическую значимость. *Главными достоинствами работы, с моей точки зрения, являются:*

1. Разработка модели анализа мотивного комплекса как полевой структуры. Заметворение и адаптация методов когнитивной лингвистики соответствуют такому современному тренду гуманитарных наук, как междисциплинарность, а эффективность и работоспособность этого подхода наглядно демонстрируют аналитические главы диссертации.
2. Определение тех мотивных трансформаций, которые обусловили появление прозы «потерянных»: «...на смену мотива перерождения в ядро мотивной модели пришел мотив разочарования в происходящем. Эта трансформация ознаменовала собой появление литературы “потерянного поколения”» [дисс., с. 92–93]. Кроме того, в диссертации убедительно показано, что важнейшим фактором стало изменение содержания последнего этапа инициации: место «возрождения в образе героя войны» в «потерянной» литературе занимает «возрождение в роли неизвестного солдата».
3. Уточнение той роли, которую романы «потерянного поколения» сыграли в истории военной прозы. Диссертант показывает, что именно произведения «потерянных» образуют ту границу, которая разделяет военную прозу классическую и неклассическую.

Что касается **перспектив** данного исследования, то они обозначены прежде всего «расширительно»: «Сравнительное изучение романов “потерянного поколения” в контексте современной военной прозы может быть продолжено в свете развития современной компаративистики, которая позволяет использовать многообразный спектр таких категорий, как полевая структура, ядерно-периферийная модель, вектор движения мотива, основанный на сочетании

литературоведения и лингвистики. <...> Выработанный алгоритм диахронно-синхронного типологического изучения произведений “потерянного поколения” от их генезиса до современности может быть использован в дальнейших исследованиях европейской, американской и отечественной военной прозы, затрагивающих другие уровни текста и объекты сопоставления» [автореф., с. 30]. Я хочу отметить, что не менее интересным, чем расширение материала, мне представляется углубление проблематики. Это можно сделать как минимум в двух направлениях:

- 1) Изучение военной прозы как травматического нарратива. И в немецкой, и в русской, и в англоязычной литературе для анализа выбраны художественные тексты, авторы которых работают со своим опытом переживания исторической травмы. Насколько эта проработка эффективна – вопрос, ответ на который неочевиден, и эта проблема достойна стать предметом изучения.
- 2) Разработка проблематики культурной памяти в современной литературе о мировых войнах. Этих вопросов докторант касается в параграфе 6.1, где говорится, что тематика романа Арно Зурминского «связана с болезненными для страны воспоминаниями о гитлеровском режиме» [дисс., с. 268], и признает, что «центральной проблемой современной немецкой литературы о Второй мировой войне» является «тема участия простых немцев в войне на Восточном фронте и их дальнейшая ответственность за добровольное следование нацистской доктрине Гитлера» [автореф., с. 28]. Но в аналитический фрагмент эти рассуждения не вырастают – что вполне закономерно, поскольку проблематика памяти выходит за рамки исследования. В связи с этим мне представляется интересным и перспективным противопоставление военной прозы, созданной свидетелями и участниками событий, и прозы, созданной их потомками. В первом случае речь должна идти о фиксации в литературе *коллективной памяти*, о состоянии *травмы*, ее *проработке* или *отыгрывании*. Во втором – о *культурной памяти* о войне, о состоянии *горя* и о «*работе скорби*». Соответствующая проблематика активно разрабатывается современными гуманитарными науками – назовем такие крупные исследования последних лет, как «Длинная тень прошлого» А. Ассманн и «Кривое горе» А.М. Эткинда.

Диссертационное исследование О.Е. Похаленкова – новаторское, актуальное и перспективное. Оно прошло **успешную апробацию** и имеет **сильную**

публикационную базу в виде монографии и статей разного уровня, опубликованных в России и за рубежом. Содержание автореферата соответствует тексту представленной работы, адекватно отражает ее основные положения и выводы.

В диссертации О.Е. Похаленкова содержится глубокое и концептуальное решение крупной проблемы современного литературоведения. Это завершенная научно-квалификационная работа, имеющая большое практическое значение. Разработанный в ней понятийный аппарат и алгоритм анализа, несомненно, будут использоваться при дальнейшем изучении военной прозы.

Вышеизложенное дает все основания утверждать, что диссертация Похаленкова Олега Евгеньевича «Мотивные комплексы и повествовательные стратегии романов “потерянного поколения” в контексте военной прозы XX века» тематически соответствует паспорту специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская), отвечает требованиям п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842; ее автор, Олег Евгеньевич Похаленков, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (западноевропейская и американская).

28.06.2019

Поршнева Алиса Сергеевна
доктор филологических наук (специальность 10.01.03
литература народов стран зарубежья (немецкая литература)), доцент,
профессор кафедры иностранных языков
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620002 г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
a.s.porshneva@urfu.ru

